

Рец. на кн.: NIKOLAI VAKHTIN, BORIS FIRSOV (EDS.).
PUBLIC DEBATE IN RUSSIA. MATTERS OF (DIS)ORDER.
Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 344 p.

Денис Эдуардович Летняков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
82/9 пр. Вернадского, Москва, Россия
Институт философии РАН
12-1 Гончарная ул., Москва, Россия
letnyakov@mail.ru

А н н о т а ц и я: В фокусе внимания авторов книги — несформированность в современной России эффективных механизмов публичного обсуждения общественных вопросов. Суть этой проблемы они видят в синдроме «публичной немоты», вызванной недостаточной развитостью того, что можно назвать «публичным регистром» (стилем) русского языка. Дефицит навыков цивилизованного участия в общественных обсуждениях, ограниченное владение публичным регистром языка ощущается как реальный барьер на пути развития гражданского общества в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: публичная сфера, публичный регистр языка, дискурс, русский язык, гражданское общество.

Д л я с с ы л о к: Летняков Д. Рец. на кн.: Nikolai Vakhtin, Boris Firsov (eds.). *Public Debate in Russia. Matters of (Dis)order.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 344 p. // *Антропологический форум.* 2017. № 34. С. 270–280.

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/letnyakov.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2017, NO. 34

**A Review of NIKOLAI VAKHTIN AND BORIS FIRSOV (EDS.), PUBLIC DEBATE
IN RUSSIA. MATTERS OF (DIS)ORDER.**
Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016, 344 pp.

Denis Letnyakov

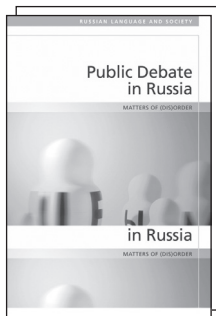
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82/9 Vernadskogo Av., Moscow, Russia
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
12-1 Goncharnaya Str., Moscow, Russia
letnyakov@mail.ru

A b s t r a c t: The authors of the book are united by considering the common problem: there are no effective mechanisms for the public discussions of vital problems in Russia. The authors start from the position that a “syndrome of public aphasia” is not the least of the causes of this, and that it is the result of the underdevelopment of what might be called the ‘public register’ of the Russian language. The lack of skills for civilized participation in social discussions is felt as a real barrier to the development of civil society in modern Russia.

Key words: public sphere, public register, the Russian language, discourse, civil society.

To cite: Letnyakov D., ‘A Review of Nikolai Vakhtin and Boris Firsov (eds.), *Public Debate in Russia. Matters of (Dis)order.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016, 344 pp.’, *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 34, pp. 270–280.

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/letnyakov.pdf>

Nikolai Vakhtin, Boris Firsov (eds.). *Public Debate in Russia. Matters of (Dis)order.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 344 p.

В фокусе внимания авторов книги — несформированность в современной России эффективных механизмов публичного обсуждения общественных вопросов. Суть этой проблемы они видят в синдроме «публичной немоты», вызванной недостаточной развитостью того, что можно назвать «публичным регистром» (стилем) русского языка. Дефицит навыков цивилизованного участия в общественных обсуждениях, ограниченное владение публичным регистром языка ощущается как реальный барьер на пути развития гражданского общества в России.

Ключевые слова: публичная сфера, публичный регистр языка, дискурс, русский язык, гражданское общество.

Еще Аристотель понимал политику прежде всего как сферу *общения* свободных и равных индивидов по поводу общего блага. Согласно древнегреческому мыслителю, «политика имеет место там и тогда, где и когда люди разговаривают друг с другом, и до тех пор, пока они делают это» [Гусейнов 2012: 416]. Поэтому для функционирования сферы политического необходимо не только набор определенных институтов, но и наличие соответствующего языка, с помощью которого граждане могли бы полноценно коммуницировать друг с другом.

Тот факт, что в современной России есть определенные сложности с формированием такого языка, давно уже является предметом размышлений отечественного обществоведения, например А.А. Кара-Мурза сетовал на то, что у нас «сосуществование различных дискурсов не порождает общегражданский язык, а, напротив, ведет ко все большей идеологической сегментации, окукливанию и герметизации различных картин мира, их острой конфронтации и в итоге к их общей деградации и взаимной аннигиляции» [Кара-Мурза 2010: 15], а А.С. Ахиезер писал о необходимости «диалогизации» российского общества, под которой понималась способность «превращать все более сложные проблемы в предмет диалога»

Денис Эдуардович Летняков
 Российская академия
 народного хозяйства
 и государственной службы /
 Институт философии РАН,
 Москва
 letnyakov@mail.ru

[Ахиезер 2002: 72]. Европейский университет в Санкт-Петербурге является местом, где разговор на эту чрезвычайно важную тему ведется регулярно. В 2011 г. там вышла коллективная монография под редакцией О. Хархордина «От общественного к публичному» [Хархордин 2011], в аннотации к которой главная проблема книги была обозначена следующим образом: «Почему все в России способны приятно общаться в среде друзей, родных и коллег, но в большинстве своем не способны создать эффективные общественные организации?» В январе 2013 г. в этом же университете состоялась международная конференция «Российское общество в поисках публичного языка: вчера, сегодня, завтра», многие участники которой стали в итоге авторами рецензируемой книги.

Через большинство текстов сборника красной нитью проходит тема отсутствия в России языка, на котором можно было бы цивилизованно участвовать в дискуссиях, спорить и договариваться за пределами узкого круга родных и друзей. Выражение «отсутствие языка», разумеется, не стоит понимать буквально — подавляющее большинство россиян так или иначе говорят по-русски, однако те варианты языка, которыми они владеют, плохо подходят для взаимодействия именно в публичной сфере. Сами авторы книги называют это несформированностью «*публичного регистра русского языка*, т.е. «стиля речи, который мог бы быть использован в ситуации публичного выступления перед незнакомой и необязательно дружественной аудиторией» (Р. 1). Это рассматривается как один из важнейших факторов, мешающих становлению гражданского общества и осуществлению политической модернизации в постсоветской России.

Главы книги можно условно разделить на три категории: скорее теоретические (по методологии и / или кругу рассматриваемых проблем); построенные на анализе эмпирики, конкретных кейсов; тексты, авторы которых работали с историческим материалом.

К числу первых относится прежде всего текст одного из редакторов сборника, Николая Вахтина, в котором тот разбирает важное для всей книги понятие регистра — в данном случае оно означает «вариант языка, который определяется ситуацией: люди меняют регистры в речи в зависимости от ситуации общения, в которой они оказываются» (Р. 10). Семьдесят лет советской власти привели к тому, что россияне имеют навыки общения только в официальном или приватном, но не в публичном регистре. Примером коммуникации в рамках официального регистра является сеанс политинформации, во время которого на собрании трудового коллектива зачитывалась

очередная статья из «Правды», после чего следовало ее «обсуждение» с заранее гарантированным единодушным одобрением аудитории. Здесь нет полноценного обмена мнениями, ведь заявить свое несогласие просто опасно, а потому перед нами лишь *имитация* дискуссии. Вариант приватного дискурса — это советские кухонные разговоры. Обмена мнениями и споров тут сколько угодно, однако в данном случае участникам важнее процесс, а не результат — люди получают удовольствие от самой беседы «по душам» и не ставят задачу обязательно убедить собеседников в своей правоте.

Таким образом, язык «кухни» и язык «официоза» не годятся для полноценного аргументированного спора, который призван не только убедить собеседника, но и в некоторых случаях подвигнуть его на совместные действия (Н. Вахтин обозначает этот тип дискурса как Спор (“Argument”) с большой буквы). Логично, что в период перестройки, когда в стране стала зарождаться конкурентная политика и общество столкнулось с необходимостью дискутировать по сложным политическим, идеологическим, экономическим и другим вопросам, люди оказались к этому просто неготовыми.

Глава, написанная вторым редактором книги, Борисом Фирсовым, посвящена анализу официального советского дискурса 1960–1980-х гг. В ней автор показывает, что, с одной стороны, массовая индоктринация в СССР имела свои пределы, ибо расхождение между декларируемыми лозунгами и реальной жизнью, а также постепенное ослабление революционного импульса 1917 г. привели к ритуализации коммунистической идеологии (лекции по научному коммунизму считались одними из самых нелюбимых и бессмысленных среди советских студентов; партийные собрания в низовых ячейках зачастую превращались в рутинную процедуру, ход которой был известен заранее и которую поэтому старались особенно не затягивать). С другой стороны, используемый элитами идеологический язык удержания власти воздействовал не только на массы, но и на самих партийных лидеров. Коммуникативная среда, в которой существовали советские руководители послевоенного времени — «бурные и продолжительные аплодисменты», сопровождавшие любое их выступление, написанное за них помощниками, формирование параллельного мира официозных лозунгов, программ и деклараций, которые не имели никакой связи с реальностью, — привела к тому, что люди, говорившие на официальном языке, утратили возможность публично изъясняться «по-человечески», вести дискуссию и отстаивать свою точку зрения. Поэтому когда они вдруг оказывались перед аудиторией без заранее подготовленного текста, то становились беспомощными, немymi в прямом

смысле этого слова. Таким образом, те, кто номинально были «хозяевами» дискурса, сами становились его рабами, не умея говорить иначе как на канцелярите.

Наконец, Максим Кронгауз рассматривает концепцию новояза Дж. Оруэлла из его знаменитой антиутопии «1984», а также различные значения, контексты употребления этого слова, которые появились в русском языке как перевод английского “newspeak”. Кронгауз интересуется прежде всего, насколько оруэлловская идея новояза соотносилась с реальными процессами, происходившими в советской речевой культуре.

Теперь несколько слов о текстах, в основе которых лежит анализ эмпирического материала. Они составили наиболее объемную и, пожалуй, наиболее интересную часть сборника. Начнем с главы, написанной Борисом Гладаревым. В своем тексте он оперирует понятием «публичной немоты», которая характеризуется как «коммуникативный ступор», «неумение слушать и говорить с “другими” в присутствии “других” (т.е. на публике)» (Р. 167). Гладарев на протяжении нескольких лет лично участвовал в разнообразных дискуссиях, встречах, собраниях инициативных групп петербуржцев по поводу градостроительных и коммунальных проблем. Этот опыт и лег в основу его размышлений. Конкретно им анализируются четыре разные ситуации: (а) соседский сход во дворе его дома, (б) попытки петербуржцев самоорганизоваться против уплотнительной застройки и «аварийного» расселения жильцов из центра города на окраины, (в) отчетное собрание жилищного кооператива, (г) общественные слушания по проекту «Охта-центра». Гладарев обнаруживает здесь много сходств: всюду присутствует высокая степень конфликтности, неготовность участников слушать и понимать друг друга, четкое деление на «своих» и «чужих», пренебрежение к регламенту, невозможность найти компромиссы и выработать общую позицию, неумение вести себя на публике и т.д. На основе этого им был составлен перечень коммуникативных неудач («поломок»), типичных для российского общества.

В некотором смысле похожий текст — и по методологии, и по выводам — получился у Александры Касаткиной. Он также базируется на методе включенного наблюдения за формами низовой самоорганизации граждан, только в данном случае объектом исследования стали собрания садовых товариществ в Ленинградской области — института, который в советский период получил практически повсеместное распространение. Критически оценивая процедуру проведения собраний (из-за отсутствия культуры мирных дебатов участники нередко превращают их в бессистемную, малоуправляемую, а главное —

бесполезную говорильню), автор все-таки полагает, что внутри садовых товариществ постепенно вызревают иные формы коммуникации, альтернативные советским. Этот новый тип дискурса основан на идеях солидарности, равенства участников, прагматического интереса и т.д. Потенциально садовые товарищества, ставшие сегодня «своеобразными анклавами самоуправления» в стране (Р. 221), рассматриваются А. Касаткиной как школы публичности и самоорганизации для российского общества.

Предметом исследования Капитолины Федоровой стали видеозаписи двух публичных мероприятий, которые проходили зимой 2012 г., — это заседания оргкомитета оппозиционного марша «За честные выборы» и оргкомитета митинга в поддержку В. Путина. В обоих случаях люди, представляющие разные организации и политические силы, обсуждают план совместных действий, тем не менее автор показывает, что перед нами два совершенно разных способа коммуникации.

В ходе согласования повестки провластного митинга мы сталкиваемся с «асимметричной коммуникацией», выстроенной вокруг председателя заседания, который полностью контролирует все нити разговора. На самом деле это даже не разговор, а скорее набор монологов, произносимых каждым участником по очереди. Это похоже на школьный урок, где учитель позволяет говорить ученикам тогда, когда он сочтет нужным. Программа митинга не вырабатывается участниками, она *доводится до их сведения*. Данный тип дискурса является прямым продолжением традиции советского официального языка.

Совсем другую ситуацию можно обнаружить в ходе работы оппозиционного оргкомитета. Там коммуникация осуществляется большей частью непосредственно между участниками собрания, *минуя председателя*, нет четкого порядка выступлений, участники иногда говорят одновременно, сами предлагают новые темы для обсуждения, позволяют себе комментарии по ходу речи других выступающих и т.д. С точки зрения стандартов ведения публичных дискуссий, принятых в западных обществах, такой тип коммуникации кажется странным, хаотичным, он явно ближе к приватному, нежели к публичному регистру общения. Но главное, что такой «полифонический» тип коммуникации оказывается эффективным — происходит координация мероприятия, согласовывается общая стратегия марша. Таким образом, автор полагает, что преодоление «публичной немоты» в России возможно не только путем выработки публичного регистра речи, но и с помощью расширения сферы использования дружественного регистра в публичной сфере.

Юлия Лернер и Клавдия Збеневич в своем тексте обращаются к анализу языка медиакультуры. Как отмечают авторы, в постсоветский период на российском телевидении под влиянием зарубежных образцов возник стиль говорения о частной жизни, который является принципиально новым для отечественной культуры. Это так называемый терапевтический дискурс, основанный на раскрытии внутреннего мира и публичном обсуждении личной жизни участников телешоу. Публичное проговаривание личных проблем призвано подтолкнуть человека к работе над собой, повысить его самооценку и, как следствие, помочь изменить его жизнь к лучшему, добиться успеха и благополучия. Авторы интересуются, как работает терапевтический дискурс на российском экране, как понятия глобальной терапевтической культуры переводятся на русский язык и сочетаются с иными дискурсивными формами и традициями говорения о личном, укоренившимися в российском обществе.

В качестве предмета анализа была выбрана популярная телевизионная программа «Модный приговор». Авторы насчитывают там четыре дискурсивные рамки, которые организуют общий дискурс программы: «психотерапевтический сеанс», «товарищеский суд», «кухонные разговоры» и «показ мод». Таким образом, мы имеем переплетение старых дискурсивных форм, унаследованных еще от советского времени («товарищеский суд» и «кухонные разговоры»), с дискурсивными практиками психотерапии, популярной психологии и гламурного стиля, которые лишь недавно стали частью массовой культуры в России.

Завершая обзор второй группы текстов, следует также упомянуть главу Валерия Вьюгина, посвященную изучению дискурсивных черт советских общественных собраний (партийных, профсоюзных, производственных и пр.) на материале советской литературы и кино, а также главу Лары Рязановой-Кларк, в которой она анализирует видеоклипы О. Козырева «Рулитики» как примеры сатирического контрдискурса, окончательного ушедшего в конце нулевых годов из традиционных медиа в интернет.

Заключительный корпус текстов составляют главы, носящие по большей части исторический характер. Здесь, безусловно, выделяется текст Дмитрия Калугина, который предпринимает исследование культурно-исторических корней «публичной немоты» в России. Автор полагает, что корни эти достаточно глубоки, ибо еще в допетровской Руси, не имевшей богатой богословской и университетской культуры, спор как столкновение противоположных мнений воспринимался негативно. Он про-

тиворечил таким христианским ценностям, как смирение и аскеза, а кроме того не соответствовал религиозному пониманию истины, которая не рождается в споре, но изначально дается человеку Богом. Иллюстрациями «антиполемичного» характера русской культуры может служить переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского, которая менее всего походит на уважительный обмен мнениями, или столкновения между никонианами и старообрядцами в XVII в., которые отличались невероятной непримиримостью.

Петровские реформы стали попыткой реализовать в России просветительский европейский проект. Одним следствием этого стало возникновение светского общества и публичного пространства. Но поскольку российская власть так и не смогла избавиться от своих патерналистских привычек и традиции властного монолога, в России возник своеобразный «общественный договор между властью и обществом, согласно которому первая имеет право действовать, а второе — говорить» (Р. 53). Обществу было позволено вести дискуссии и обмениваться мнениями, но власть так или иначе стремилась определять характер полемики и правила игры. Власть так и не смогла превратиться в собеседника и партнера, в одного из участников спора. В качестве примера такого властного паттерна Д. Калугин разбирает историю Уложенной комиссии, созданной по указу Екатериной Второй, а также дискуссии по поводу суда присяжных в пореформенной России. В обоих случаях мы имеем дело с попыткой власти *организовать общество* как своеобразный коммуникативный феномен, привлечь его к обсуждению общезначимых вопросов и обеспечить необходимыми понятиями.

К этой же исторической части сборника можно отнести текст Мишеля Тисье, в котором анализируются дискуссии среди российских правоведов и публицистов рубежа XIX–XX вв. по вопросу о том, каким образом нужно развивать народное правосознание и популяризировать юридические понятия; а также главу Катрионы Келли, посвященную исследованию такого жанра, как советские «письма в редакцию». Основная идея Келли состоит в том, что «советский язык» как явление неправильно редуцировать к тоталитарному новоязу, с помощью которого коммунистическая элита манипулировала обществом. До конца 1920-х гг. в СССР предпринимались серьезные попытки модернизировать общественный язык, развить народную грамотность и общую «культуру речи». Инструментами этого были, в частности, движение рабочих корреспондентов, а также вовлечение масс в дискуссию по общественно-политическим вопросам через «письма в редакцию». Диалог с читателями в советской прессе воспринимался как форма обучения,

которая должна была распространить среди народа определенные лингвистические нормы, научить тому, как правильно излагать на бумаге собственные мысли.

Завершает же книгу глава, написанная Олегом Хархординым. Текст под названием «Прошлое и будущее русского публично-го языка» выступает в жанре «вместо заключения», хотя его функция далеко не ограничивается подведением итогов коллективного труда и определением дальнейшей перспективы работы над исследуемой проблемой. Хархордин достаточно подробно рассказывает о становлении языка и правил публичной дискуссии на Западе, в том числе о книге американца Г. Роберта (“Robert’s Rules of Order Newly Revised”), которая с 1876 г. выдержала 11 изданий и стала настольной книгой для организаций гражданского общества в США, а также обращается к вопросу о рецепции в современной России подобных процедур. По его мнению, простой импорт западных методичек по ведению публичной дискуссии вряд ли будет продуктивным, а потому правильнее было бы обратиться к нашему собственному опыту. Конкретно Хархордин имеет в виду проект регламента дореволюционного российского парламента («Наказ Государственной Думы»), над которым работали такие видные фигуры, как С. Муромцев, М. Острогорский и В. Маклаков. Этот «Наказ», полагает автор, можно адаптировать к современным российским реалиям и прежде всего к нуждам структур гражданского общества, для того чтобы отойти от советской традиции собраний в стиле «слушали-постановили» и превратить их в процесс выработки общего согласованного мнения.

Давая общую оценку книги, хотелось бы отметить, что она получилась, на мой взгляд, весьма удачной. Она выглядит достаточно цельной в методологическом и содержательном отношении, что далеко не всегда бывает со сборниками, в которых участвует дюжина авторов. Практически все главы так или иначе сконцентрированы вокруг основной задачи — рефлексии над проблемой «публичной немоты» в современной России, при этом разноплановость текстов позволяет обсудить заявленную проблему с разных сторон.

Также мне показалось в высшей степени ценным то, что книга не стала собранием чисто кабинетных текстов — как уже отмечалось, в сборнике присутствует богатый и интересный эмпирический материал, полученный благодаря выходу многих авторов «в поле» и анализу актуальных явлений в современной культуре и медиаиндустрии.

Однако любая рецензия предполагает и критическое осмысление прочитанного. Поэтому в самом конце хотелось бы

поделиться соображениями о том, чего лично мне не хватило в этой книге. На мой взгляд, исторический раздел, посвященный анализу истоков и причин исследуемой проблемы, мог бы быть более основательным. Сложилось впечатление, что подавляющее большинство авторов сборника видят корни сегодняшней «публичной немоты» в советском периоде. Однако текст Д. Калугина показывает, что копать можно значительно глубже. Действительно, если мы обратимся к размышлениям русских интеллектуалов первой половины XX в., то увидим, что многих из них беспокоили те же самые проблемы, что были описаны на страницах рецензируемой книги. Например, один из крупнейших отечественных философов прошлого столетия С.Л. Франк много сетовал на «нигилизм русской души», понимая под ним упор на «одну лишь физическую силу», неуважение к праву, морали и другим людям, тяготение к крайностям. Трагедию российского общества, которая привела к катастрофе 1917 г., Франк видел в том, что оно оказалось «зажато» между крайностями революции и реакции — с одной стороны, «старый порядок» пытался защищаться сугубо деспотическими, неправовыми и насильственными методами, с другой стороны, освободительное движение боролось за вполне справедливые, «исторически назревшие» требования конституции и свободы такими же нигилистическими, противозаконными действиями [Франк 2010: 285–286]. Мне кажется, что книга сильно выиграла бы, если бы кто-то из участников этого коллективного проекта решил поразмышлять об истоках конфронтационности российской политической культуры, о свойственном ей «манихейском» сознании, которое делит мир на «черное» и «белое». Можно ли вести речь о становлении публичной сферы, развитии культуры дебатов и общественного диалога, когда различные политические силы сознательно принимают стратегию взаимного непризнания и стремятся присвоить себе монополию на истину? И достаточно ли извлечь из анналов «Наказ Муромцева — Острогорского — Маклакова», чтобы решить эту проблему?

Так или иначе, хочется выразить надежду, что интеллектуальная работа над этой темой будет продолжена, в том числе силами авторов, чьи тексты вошли в рецензируемую книгу. Ведь проблема представляет интерес не только с чисто академической, но и с общественной точки зрения — если мы как граждане заинтересованы в том, чтобы политика в России перестала быть только *искусством управления* людьми, но стала бы также сферой *активного участия* самих этих людей, без выработки соответствующего языка коммуникации нам не обойтись.

Библиография

- Ахиезер А.С.* Специфика российской политической культуры и предмет политологии (Историко-культурное исследование) // *Pro et Contra*. 2002, лето. С. 51–76.
- Гусейнов А.А.* Мораль и политика: уроки Аристотеля // Гусейнов А.А. *Философия — мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью*. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2012. С. 388–418.
- Кара-Мурза А.А.* Как возможен Русский мир? // Никонов В. (ред.). *Смыслы и ценности Русского мира*. М.: Русский мир, 2010. С. 15–19.
- Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Франк С.Л. *Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 259–295.
- Хархордин О.* (науч. ред.). *От общественного к публичному*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 530 с.

Денис Летняков

A Review of Nikolai Vakhtin and Boris Firsov (eds.), *Public Debate in Russia. Matters of (Dis)order*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016, 344 pp.

Denis Letnyakov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
 82/9 Verdanskogo Av., Moscow, Russia
 Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
 12-1 Goncharnaya Str., Moscow, Russia
 letnyakov@mail.ru

The authors of the book are united by considering the common problem: there are no effective mechanisms for the public discussions of vital problems in Russia. The authors start from the position that a ‘syndrome of public aphasia’ is not the least of the causes of this, and that it is the result of the underdevelopment of what might be called the ‘public register’ of the Russian language. The lack of skills for civilized participation in social discussions is felt as a real barrier to the development of civil society in modern Russia.

Keywords: public sphere, public register, the Russian language, discourse, civil society.

References

- Akhiezer A. S., ‘Spetsifika rossiyskoy politicheskoy kultury i predmet politologii (Istoriko-kulturnoe issledovanie)’ [The Peculiarity of Russian

- Political Culture and Subject of Political Science (Historical and Cultural Study)], *Pro et Contra*, 2002, summer, pp. 51–76. (In Russian).
- Frank S. L., ‘Iz razmyshleniy o russkoy revolyutsii’ [From Reflections on the Russian Revolution], Frank S. L., *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 259–295. (In Russian).
- Guseynov A. A., ‘Moral i politika: uroki Aristotelya’ [Morality and Politics: Aristotle’s Lessons], Guseynov A. A., *Filosofiya — mysl i postupok: statyi, doklady, leksii, intervyyu* [Philosophy — Thought and Action: Articles, Reports, Lectures, Interviews]. St Petersburg: St Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Press, 2012, pp. 388–418. (In Russian).
- Kara-Murza A. A., ‘Kak vozmozhen Russkiy mir?’ [In What Way is Russian World Possible?], V. Nikonov (ed.), *Smysly i tsennosti Russkogo mira* [The Meanings and Values of the Russian World]. Moscow: Russkiy mir, 2010, pp. 15–19. (In Russian).
- Kharkhordin O. (ed.), *Ot obshchestvennogo k publichnomu* [From the Common to the Public]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2011, 530 pp. (In Russian).